

В. Н. Мамяченков

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ И ВЫПУСКНИКОВ РЕМЕСЛЕННЫХ УЧИЛИЩ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Статья посвящена малоисследованной теме – материальным условиям жизни одних из самых малообеспеченных категорий населения. Работа содержит значительный объем фактологического материала, наглядно и достаточно полно характеризующего уровень жизни необеспеченной молодежи в указанный период. Источниковой базой исследования послужили прежде всего никогда ранее не публиковавшиеся архивные материалы Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Ключевые слова: Свердловская область, послевоенные годы, условия жизни, молодежь, детские дома, ремесленные училища.

Еще в недавнем прошлом проблема материальной обеспеченности граждан СССР рассматривалась, за редким исключением, только в свете поступательного движения нашей страны к коммунистическому будущему. При этом любое количественное или качественное улучшение какого-либо показателя служило неоспоримым доказательством преимуществ плановой социалистической экономики, а на все прочие случаи находились «убедительные» оправдательные аргументы, обеспечение которых было возложено на общественные науки. «На протяжении десятилетий, – отмечала академик Т. И. Заславская, – общественные науки в СССР не имели, по сути, социального заказа. От них требовали лишь подтверждения непогрешимости проводимой социально-экономической политики, а не проектов радикальных преобразований»¹.

Поэтому неудивительно, что проблема материального благосостояния населения привлекает неослабное внимание историков, экономистов и социологов. Но, несмотря на то, что в последние годы появилось немало работ, посвященных условиям жизни населения, проблема условий жизни такой его категории, как молодежь, в нашей стране до сих пор остается мало исследованной. В предлагаемом небольшом исследовании мы ограничились исследованием материального аспекта уровня жизни молодежи в указанном периоде. На наш взгляд, если иметь в виду только данный аспект, то в этом случае целесообразно использовать понятие материально-бытовых или же – в еще более узком значении – материальных условий жизни.

Великая Отечественная война внесла сильнейшие коррективы во все сферы жизни со-

ветского государства. Массовая мобилизация мужчин на фронт привела к тому, что основной рабочей силой в тылу стали прежде всего женщины. Но тяжкие испытания военного времени выпали на долю не только взрослых, но и юношей и даже подростков – фактически еще детей. Один из тех, чье детство пришлось на военные годы, так вспоминал об этом: «Мне было четырнадцать лет, и нас, подростков, поставили на место взрослых мужиков, взятых на фронт. Каждый день мы получали задание, которое неукоснительно должны были выполнить. Иначе не будет трудодня, хотя за трудодни и нечего было получать. Работали с раннего утра до позднего вечера. За тридцать километров возили зерно на приемный пункт. Таскали мешки – поджилки тряслись, ведь недоедали, силенок не было. Электричества в деревне не было, керосиновая лампа и та роскошь. Мыла не было, заедали вши. Дети в школу почти не ходили, не было обуви»².

Окончание войны не могло, естественно, принести мгновенного облегчения материального положения населения. Решение этой проблемы отодвигалось на долгие годы, тем более, что война породила целый ряд других, не менее сложных проблем. Одной из них была беспризорность, так как война самым серьезным образом повлияла на половозрастную структуру населения, разрушила и разъединила многие семьи, а многих граждан (прежде всего – молодежь) лишила крова.

О масштабах этих проблем свидетельствовало то, что после окончания войны в стране было огромное, без преувеличения, количество детских домов. В частности, в Свердловской области в 1948 г. насчитыва-

лось 108 таких учреждений (в том числе только в Свердловске – 14, а, например, в Ирбите – 4) с общим числом воспитанников, приближающимся к 14 000 человек, а персонала – к 1500. Детские дома были переполнены, и в некоторых содержалось до 400–500 детей³.

В советский период тема условий жизни воспитанников детских домов была закрытой для обсуждения, так как априори считалось, что детдомовцы «были всем обеспечены и ни в чем не нуждались». На самом же деле картина была совсем не такой радужной, о чем можно судить по отдельным опубликованным воспоминаниям бывших воспитанников детдомов тех лет, а также по архивным источникам. Богатый материал для этого дают, например, протоколы совещаний директоров данных учреждений. Одно из них состоялось в Свердловске в феврале 1948 года.

Выступившие на этом совещании руководители детских домов жаловались на высокую скученность воспитанников, отсутствие в детских домах элементарных предметов санитарно-гигиенического и хозяйственного назначения, бытовые неудобства. Были претензии и на отсутствие внимания к проблемам детских домов со стороны властей и общественных организаций (в одном из выступлений дословно прозвучала печальная фраза: «У нас в детские дома никто не ходит»)⁴.

Так, директор одного из свердловских детских домов Смирнягин сообщил, что в подведомственном ему учреждении мало воспитателей, отчего на каждого из них приходится 45 воспитанников, примерно вдвое больше нормы. Кроме того, по его мнению, слишком скромным был размер «выходного пособия», то есть сумма, которая отпускалась на обмундирование выпускника детского дома – всего 300 р. (по мнению директора ее надо было повысить хотя бы до 1 000 р.). Директор другого свердловского детдома Плаксун сообщил, что в его учреждении нет туалетного мыла, зубного порошка, зубных щеток, что лимитируется приобретение посуды: «...достать хороший стакан – это невозможно. Фарфоровой посуды недостаточно, столовых ложек нет». Он же посетовал, что из-за недокомплекта персонала «...имеются несчастные случаи. Отец или мать отдали жизнь, защищая Родину, а мы детей не можем сохранить, но что делать, если нет ночной няни и сторожа».

На этом же совещании директор Покровского детского дома Гусев сетовал на

нехватку посуды и постельного белья, а его коллега по Михайловскому детскому дому Коновалов – на недостаток писчебумажных принадлежностей. Правда, при этом, противореча сам себе, поспешил заявить, что в детских домах имеются «богатейшие материальные условия». А руководитель Первоуральского детского дома Жингель жаловалась, что в ее подведомственном учреждении нет хороших игрушек и много чего другого: «У меня бедно в детдоме», «Я работаю в детдоме 4 года, и у меня ребенок не видел себя, так у нас нет зеркал». Она же, по ее словам, нигде не могла найти простой олифы для покраски полов. Судя по всему, Жингель была женщиной не робкого десятка, так как выступила с критикой райкома ВКП (б), заявив, что «...РК ВКП (б) плохо к нам относится... Они не против нас, любят нас, восхищаются нами, но идут в детдом тогда, когда гром грянет»⁵.

Что касается питания детдомовцев, то на каждого из них в расчете на день государство отпускало 9 р., а в домах санаторного типа для ослабленных детей – даже 14 р. Напомним, что в то время килограмм картофеля стоил 1 р., капусты квашеной – 1,8 р., хлеба ржаного – 3 р., хлеба пшеничного – 4 р., молока – 3,4 р., макарон – 9 р., творога – 9 р., сахара – 14,3 р., говядины первого сорта – 27 р., масла сливочного – 56 р.⁶ Этих денег по тогдашним ценам вроде должно было бы хватать на более или менее достаточное питание, но в действительности до обеденных столов детдомовцев доходило далеко не все.

Именно об этом говорил на упомянутом совещании представитель Министерства трудовых резервов Кузнецов, сказавший буквально следующее: «Мы вот видели с тов. Недосекиным [первый секретарь обкома ВКП (б) – В. М.] обед для детей: щи пустые и на второе кисель, а ужин для представителей – 10 кур зарезали». Упомянутыми представителями как раз и были Кузнецов с Недосекиным, у которых, правда, хватило совести отказаться от подхалимского угощения⁷.

Жилищные условия в детских домах в послевоенный период были неудовлетворительными уже из-за переполненности детских домов, на что жаловалось большинство директоров (по нормам полагалось 4 кв. м жилой площади на одного детдомовца, но фактически зачастую было меньше). Кроме того, нередко детские дома размещались в неприспо-

собленных для этого помещениях (включая даже бывшие церкви), а 12 из них к 1948 г. еще не были электрифицированы. В связи с этим директор Среднеуральского детдома заявил на совещании, что в его учреждении «...полы разваливаются, все сгнило, внизу полы покрыты грибком... Мы не имеем комнаты для [уроков] труда, столовая в групповой комнате. Нет спортзала. Нет пионерской комнаты. Вся работа проводится в коридоре. Теснота невозможная, вместо трех [квадратных] метров мы имеем 1,25 метров на каждого ребенка». А директор Михайловского детдома Коновалов сообщил, что его учреждение разбросано в пяти «рухлых» зданиях, при чем ни в одном из них нет теплого туалета, и воспитанникам приходится бегать по нужде за 100 метров⁸.

Судя по архивным материалам, в некоторых детских домах условия жизни были просто невыносимыми. Вот как об этом сказала на совещании директор Невьянского детдома Гусева: «Привезли детей из Покровского детского дома Егоршинского района – 20 человек. Не поверите... я встречала таких детей в 1924 году, когда их ловили на вокзалах. Прежде всего внешний вид: худые, грязные, курят, матерятся, дерутся. В течение двадцати дней я не выходила из детского дома и боялась выйти». Причин же такого состояния воспитанников было много, в том числе и то, что их наставники не всегда соответствовали высокому званию педагогов. В результате только за 1948 г. в Свердловской области были освобождены от занимаемых должностей 27 директоров детских домов, а еще 12 были признаны не соответствующими им⁹.

Поэтому неудивительно, что в детских домах отмечались случаи завшивленности воспитанников, заболевания чесоткой, трихофитией, конъюнктивитом и даже трахомой (как это было в Азигуловском, Килачевском, Осинцевском, Ачитском детских домах), а сами дети были грязны, плохо одеты и спали по двое (Тимохинский, Четкаринский, Клевакинский, Красноуральский и другие детдома). В акте обследования Ачитского детского дома, где содержалось 160 детей, было отмечено, что он расположен в недостроенном типовом школьном здании и не имеет ни одной железной койки, а поэтому дети спят на деревянных топчанах. В Невьянском же детдоме не было чайной посуды, питьевых бачков и умывальников, а воду детдомовцы пили, зачерпывая ее консервной банкой¹⁰.

При всем том в детских домах неизменно проводилась целеустремленная идеологическая работа. Например, в Североуральском детдоме, как сообщалось в информации райкома партии, на праздниках дети исполняли «...песни, проникнутые любовью к нашим вождям» и в них воспитывается «...чувство любви к Родине и ненависти к врагам». А директор Пьянковского детдома с гордостью сообщала, что в ее учреждении «...второй год работает кружок по изучению истории партии»¹¹.

После выпуска из детдома и окончания ремесленного училища молодых людей ждала не менее суровая и скудная жизнь. Впрочем, это касалось всех новоиспеченных рабочих, а их система трудовых резервов готовила сотнями тысяч: только в 1947 г. и только на промышленные предприятия Свердловской области пришло 160 000 ребят и девчат. Но даже тот факт, что молодые рабочие начинали получать зарплату, мало что менял – ее размеры были мизерны, а при распределении каких-либо благ молодежь почти всегда ставили в «хвост» очереди. В подтверждение этому приведем письмо группы девушек – молодых работниц одного из заводов Свердловска в областной комитет партии, причем приведем его полностью, чтобы дать почувствовать всю степень их безысходности и отчаяния. (По данному письму после вмешательства высшего областного партийного органа, как тогда говорилось, «были приняты меры»):

Уважаемые товарищи!

С комсомольским приветом к вам молодые работницы завода № 18, где директором товарищ Вейланд В. В.

Мы, молодые работницы, выпущенные из Р. У. в октябре 1945 года. Проживаем мы в общежитии завода. В общежитии развлечений нет никаких. Постельная принадлежность меняется очень редко. К примеру взять, сменяли нам белье 28 апреля и по сее время, т. е. 3 июня, белье еще не сменили [описанные события происходили в 1946 г. – В. М.]. Время свободное проводим однообразно. Отработаем 8–10 часов, приходим с работы, заняться совершенно нечем, посидим и ложимся спать.

Насчет питания очень плохо. В Р. У. мы питались три раза, а теперь с трехразового питания перешли на односуточное, т. е. в 12 часов дня, во время обеденного перерыва.

Первое время нам выдавали второе горячее питание, а сейчас в настоящий момент перестали выдавать и думают, что мы в нем не нуждаемся.

Со стороны родителей помощи не имеем, мы бывшие воспитанники детдома. Заработок, который мы получаем, слишком мал, нам его не хватает на питание, а уж чтобы одеться, даже нет разговору. Бирки на промтовары, которые поступают на завод, мы никогда не получаем. Несмотря на все эти трудности, мы подписались на полуторамесячный заработок на государственный заем.

Заводской комитет, комсомольская организация и партийная организация на это никакого внимания не обращают. Помощи от заводского комитета нет никакой, несмотря на то, что мы все по 3, по 4 года в профсоюзе. Просим обратить на это внимание.

*Подписи*¹³

То, что трудно жилось не только бывшим детдомовцам, подтверждает еще один пример. В декабре того же 1946 г. в Свердловский обком партии поступила жалоба на условия жизни от молодых рабочих Серовского механического завода. Проверкой горкома партии было установлено, что карточки ребятам отоваривались нерегулярно, крупа часто заменялась картофелем, а промтоваров они просто не получали. При этом в двух общежитиях, где проживали 150 молодых рабочих, практически не велось никакой «политико-массовой и культурно-воспитательной работы». На другом крупном заводе того же Серова – металлургическом – картина была настолько тяжелая, что стала предметом обсуждения на совещании секретарей партийных организаций органов МВД и милиции в апреле 1947 г. Выступивший на нем секретарь парторганизации Серовского ГУ УВД Неволин сказал следующее: «...десятки и больше приводим в горотдел лиц, которые не имеют ни [продовольственной] карточки, ни белья. Большинство этих людей оказываются учащимися [заводских] школ ФЗО и РУ... Они спят на печках, в разных клетушках»¹⁴.

Иногда происходили и просто вопиющие случаи, как например, в Асбесте в 1946 г., куда были направлены для работы на Новомеханическом заводе 73 выпускника ремесленного училища № 6 из города

Борисоглебска Воронежской области. Завод совершенно не подготовился к приему такого количества молодых рабочих, и не приготовил для них не только ни достойного жилья, ни мебели, но даже постельного белья. И только после вмешательства горкома партии ребятам были созданы хоть какие-то минимальные условия¹⁵.

Аналогичный случай произошел в 1947 г. в тресте «Волчанскуголь» (поселок Волчанка). Сюда по распределению прибыла из Ульяновской области и Мордовии несколько десятков выпускников РУ – юношей и девушек. Условия их «приема» можно проиллюстрировать хотя бы одним фактом: первые два месяца юноши только один раз помылись в бане и смогли сменить постельное белье, а девушки были лишены и этого удовольствия... Разместили же несчастных представительниц прекрасного пола «...в двух комнатах общей кубатурой [? – знак наш. – В. М.] 10 метров». Использовали ребят не в соответствии с полученными в училищах специальностями и платили мизерные зарплаты. Все это было отмечено в акте специально созданной комиссии, которая рекомендовала перераспределить ребят в другие организации¹⁶.

Конечно, и у принимающей стороны часто присутствовали свои, более чем серьезные, проблемы. Тем же летом 1947 г. директор и парторг завода № 658, расположенного в поселке Баранча Кушвинского района Свердловской области обратились к первому секретарю обкома партии В. И. Недосекину с просьбой о помощи. В письме руководители писали, что завод «...имеет большой контингент рабочих из числа репатриированных одиночек, переселенцев, а также молодых рабочих, окончивших РУ – около 1 000 человек. ...На заводе имеются случаи дистрофии – до 15 случаев, а также увеличилось количество заболеваний туберкулезом и общего упадка сил среди некоторой части рабочих»¹⁷.

Но были и другие (хотя и редкие) случаи: например, в тресте «Свердпромстрой» выпускники ремесленных училищ и школ ФЗО получали зарплату в размере выше средней зарплаты рабочего¹⁸.

Надо сказать, что в ремесленные училища попадали не только сироты, но и дети, имеющие пусть неполную, но семью. Получение рабочей специальности давало им возможность облегчить материальное положение семьи, так как даже многодетные семьи и

семьи погибших на фронте зачастую не получали помощи от государства. Что касается пенсий и пособий, выплачиваемых в те годы, то они также были невысоки. Например, в литературе можно найти упоминание об одной из многих тысяч военных вдов нашей области – Анне Даниловне Колпашиковой из Невьянского района. Она в 1946 г. стала получать пособие за погибшего на фронте мужа в размере 310 р., и то только после получения извещения о его гибели: если бы он пропал без вести – не получала бы ничего. А ее дети что больше всего запомнили с военных и послевоенных лет, «...так это чувство голода»¹⁹.

Если говорить о жилищных условиях, в которых жила молодежь в первые послевоенные годы, то они, естественно, были тяжелыми: в годы войны велось строительство только временного жилья и зачастую не производилось никаких ремонтов жилого фонда. В то же время в военные годы Урал принял, по некоторым данным, 703 промышленных предприятия, эвакуированных из западных районов страны. В том числе в Свердловскую область было перемещено больше всего предприятий – 212, в Челябинскую – 200, в Пермскую (тогда Молотовскую) – 124. При этом в нашу область эвакуировали в основном машиностроительные заводы. Вместе с предприятиями на временное проживание прибыло около 2 млн человек, в том числе в Свердловскую область – около 700 тыс. человек²⁰.

Буквально в считанные месяцы после начала войны все города и крупные поселки области были застроены общежитиями. Например, такой город, как Карпинск, после войны представлял собой сплошное нагромождение общежитий: их было 127 и проживало там без малого 10 000 человек. При этом в общежитиях, например, Жилтреста в некоторых комнатах проживало по пять семей. В других городах области такое временное жилье составляло 25–30 % жилого фонда. Но это средние цифры. А, например, в Нижнем Тагиле у 9 основных предприятий жилой фонд на 51 % состоял из временного жилья (кстати, всего за 1941–1945 гг. в Свердловской области его было построено 980 тысяч кв. м) и только на 49 % – из постоянного. Таким образом, значительная часть жилого фонда носила так называемый «временный» характер – это были либо бараки, либо так называемые «строения каркасно-барачного типа». При этом сотни тысяч квадратных метров такого

«жилья» подлежали немедленному списанию за ветхостью. В справке, которую в феврале 1946 г. подписал начальник облжилуправления, говорилось: «Изношенность отдельных зданий в городах настолько велика, что, например, в некоторых домах в Ирбите рушились стены, потолки»²¹.

На областном совещании строителей, состоявшемся в Свердловске в июне 1946 г., прямо говорилось, что «...на ряде наших предприятий многие тысячи рабочих живут в общежитиях с 2-х ярусной системой [то есть вынуждены спать на двухъярусных нарах. – В. М.]. При норме 6 кв. м на человека в ряде городов и поселков имеется 2,5–3 кв. м на человека, а на таком крупном заводе, как Новотагильский металлургический, – 2,1 кв. м, на коксохимическом заводе – 2 кв. м, а есть еще хуже [выделено нами. – В. М.]»²².

Положение усугублялось тем, что сразу после окончания войны темпы строительства жилья резко снизились. И тому было вполне понятное объяснение – завершилась тяжелейшая война, закончился период чрезвычайщины и стимулы военного времени перестали действовать, а новых стимулов строителям никто не предлагал. Были и другие причины такого положения: явная нехватка подрядных строительных организаций, примитивная производственная база ремонтно-строительных контор городских Советов, нехватка элементарных стройматериалов (ощущался острый дефицит сантехнического оборудования, деревоматериалов, стекла, алебастра и даже олифы).

Наконец, просто не хватало рабочих рук – в том же Нижнем Тагиле в 1947 г. на всем жилищно-бытовом строительстве работало всего 7 каменщиков, 5 плотников, 13 штукатуров и 16 столяров. В результате был провален план по вводу жилья в 1945 г. и последующих годах (впрочем, и в военные годы эти планы не выполнялись). Так, в Каменск-Уральском в 1945 г. план по вводу жилья из всех предприятий выполнил только Уральский алюминиевый завод, а в Нижнем Тагиле в 1946 г. этот план был выполнен всего на 58 %²³.

При этом в тяжелых условиях находились не только те, кто проживал в небольших населенных пунктах – огромные трудности испытывало и население областного центра. Так, на кирпичном заводе «Новострой» в Свердловске в первом послевоенном году не хватало не только огромного количества

мебели (150 тумбочек, 200 табуреток и столько же коек) но и постельных принадлежностей, которые редко стирались. То же самое происходило в общежитии шамотного завода в Каменске-Уральском, где даже не было воды²⁴.

Подводя итоги сказанному, можно сделать несколько выводов.

Молодежь изначально находится в худшем материальном положении, чем большинство других категорий населения. Это объясняется прежде всего отсутствием должной квалификации, а следовательно – необходимых доходов и сбережений. Именно молодежь часто не имеет принадлежащего им жилья. Кроме того, молодые люди, как правило, слабо защищены и не могут рассчитывать на достойный пакет социальных услуг.

Но в исследуемом нами периоде ко всему этому прибавились колоссальные лишения послевоенного времени. При этом в наиболее тяжелом положении оказалась бессемейная молодежь – детдомовцы и те, кто самостоятельно начал жизнь после окончания ремесленного училища, дававшего минимальную рабочую квалификацию.

Именно эти молодые люди были помимо всего прочего лишены поддержки семьи и в борьбе за достойную жизнь могли рассчитывать только на себя. Именно они своим терпением и самоотверженным трудом сделали возможным восстановление экономики страны и, находясь в самых невыгодных материальных условиях, приняли на себя все огромные трудности послевоенного лихолетья.

Примечания

¹ Заславская, Т. И. Социология экономической жизни: очерки теории / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. – Новосибирск, 1991.

² Урал. рабочий. – 2002. – 23 нояб.

³ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС). Оп. 43. Д. 229. Л. 71, 89. Оп. 45. Д. 139. Л. 8, 59, 62–63.

⁴ Там же. Оп. 45. Д. 139. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 11, 16–19, 29–31, 35–37.

⁶ Алексеев, В. В. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма / В. В. Алексеев, С. С. Букин. – Новосибирск, 1980. – С. 97–98.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 139. Л. 46, 54.

⁸ Там же. Оп. 43. Д. 229. Л. 85, Оп. 45. Д. 139. Л. 29, 43, 73.

⁹ Там же. Оп. 45. Д. 139. Л. 38, 71.

¹⁰ Там же. Оп. 43. Д. 229. Л. 85. Оп. 45. Д. 139. Л. 38, 71.

¹¹ Там же. Д. 229. Л. 121. Оп. 45. Д. 139. Л. 27.

¹² Там же. Д. 222. Л. 20.

¹³ Там же. Оп. 41. Д. 148. Л. 59.

¹⁴ Там же. Л. 49. Оп. 43. Д. 152. Л. 40.

¹⁵ Там же. Д. 220. Л. 88.

¹⁶ Там же. Оп. 43. Д. 153. Л. 78–80.

¹⁷ Там же. Л. 83–84.

¹⁸ Там же. Оп. 41. Д. 220. Л. 15.

¹⁹ Анурьев, Ю. П. Новоуральск : годы и судьбы / Ю. П. Анурьев. – Екатеринбург, 1995. – С. 361.

²⁰ Мотревич, В. П. Экономическая история России / В. П. Мотревич. – Екатеринбург, 2004. – С. 404, 406.

²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 138. Л. 16. Д. 148. Л. 1–2, 32. Оп. 43. Д. 197. Л. 107.

²² Там же. Д. 138. Л. 16.

²³ Там же. Л. 16. Д. 220. Л. 18. Оп. 43. Д. 197. Л. 20–21, 57–58.

²⁴ Там же. Д. 220. Л. 39. Оп. 43. Д. 152. Л. 33.